

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ДРАМАТУРГ

К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского

ВЕЧНЫМ ИСТОЧНИК

Для своих современников Александр Николаевич Островский был драматургом, открывшим сцене новые пласты жизни и новые характеры своего времени. Для нас, его современников, он — один из крупнейших национальных художников, сумевший «возвратить» в жизнь извлеченные автором из жизни идеалы. Пьесы Островского не стареют, и каждое новое поколение ищет и находит в них урок для себя.

Мало кто из драматургов так остро чувствовал потребность тесной взаимосвязи писателя и театра, как Островский. Он оставил нам, актерам и режиссерам, бесценное богатство человеческих типов, обрисованных то поэтически, то сатирически, то с теплым лиризмом и всегда с психологической глубиной и достоверностью. На пьесах Островского учились и учатся мастерам многих поколений русских, советских мастеров сцены.

За долгие годы работы в театре мне приходилось не раз встречаться с героями Островского. В разные годы, в спектаклях разных режиссеров я играл Мелюха («Бедная невеста») и Миловидова («На бойком месте»), Агшиня («Женитьба Белугина») и Лылева («Волки и овцы»), Князя Воротынского («Василиса Мелентьева») и Вышневого («Доходное место»), генерала Шургина («Счастливый день») и Киурова («Бесприданница»). Разные характеры. Разные социальные типы. Разное жанровое решение. Но для меня все эти работы были овеяны искренней увлеченностью пьесой и ролью, радостным ощущением «живой плоти» созданного драматургом образа.

Работая над созданием Островского, всегда чувствуешь неразрывность каждого его героя со средой. И вместе с тем всякий раз находишь прямые связи и ассоциации с сегодняшними нашими размышлениями о жизни и человеке.

Я с удовольствием играл, на-

пример, старого князя Воротынского. Человек своей эпохи, верный «богу и царю», он вместе с тем превращается в жертву «темного царства», протестующий против него. Он нарисовал широкую картину социальной жизни России своего времени. Это был период, когда Россия вступила на путь капиталистического развития и на политической сцене появилась буржуазия — класс еще более хищный, более алчный и безудержный в погоне за наживой, чем помещики. Каждая копейка, каждый рубль, которые кляли в свои карманы персонажи пьес Островского — купцы и фабриканты, были пропитаны людскими страданиями и горем.

Жесты произвола и насилия изображались в драматургии и раньше, но их созна-

Александр Николаевич Островский был драматургом-новатором. Его новаторство сказало прежде всего в демократизации тематики. До него драматургия отображала, по преимуществу характеры и нравы привилегированного класса — дворянства — и в подавляющем своем большинстве была весьма далекой от жизни, развлеченьем, остро и не только лишь на хитросплетениях интриги. Ее ведущими жанрами являлись водевил и мелодрама. Островский же пентром своих пьес сделал характеры и нравы простых людей. Продолжая лучшие традиции прогрессивной отечественной и западноевропейской драматургии, он подчинил свое творчество правде и, по меткому определению Добролюбова, писал «пьесы жизни».

Создавая произведения остро социальные, Островский исходил из убеждения, что писатель «узаконивает» оригинальность какого-нибудь типа, как высшее выражение современной жизни, или, прикидывая его к идеалу общечеловеческому, находит оповещение его самым узким, и тогда тип является комическим».

Драматург «узаконивал» характеры и типы людей притесняемых, угнетаемых — жертв «темного царства», протестующих против него. Он нарисовал широкую картину социальной жизни России своего времени. Это был период, когда Россия вступила на путь капиталистического развития и на политической сцене появилась буржуазия — класс еще более хищный, более алчный и безудержный в погоне за наживой, чем помещики. Каждая копейка, каждый рубль, которые кляли в свои карманы персонажи пьес Островского — купцы и фабриканты, были пропитаны людскими страданиями и горем.

Жесты произвола и насилия изображались в драматургии и раньше, но их созна-

ДРАМАТУРГИЯ ГУМАНИЗМА

тельный и громкий протест стал новаторством именно в пьесах Островского. На их стороне симпатии писателя. Сатира же Островского обличает угнетателей. В первую очередь, это реакционное дворянство, сословие, уже уходящее с исторической сцены. Писатель с блеском изображает дворянское оскудение — экономическое и духовное. В его пьесах дворяне, промотавшие свое состояние, ищут богатых невест («Не в свои сани не садись»). «На всякого мудреца довольно простоты», «Последняя жертва», пускаются на различные аферы («Трудовой хлеб»), становятся предпринимателями («Волки и овцы»), погрязают в разврате («Воспитанница», «Лес»). Однако новые «хозяева жизни» — купцы и предприниматели, по утверждению Островского, еще более нравственно порочны. Для них не существует принципов, один для них бог, один идол, которому они поклоняются, — барыш. Барыш любой ценой...

Фабрикант Стывор («Невольницы») признается Коблову, своему компаньону, что он свою жену «купил у матери», а тот равнодушно отвечает ему: «Да хоть бы и купил». Даже городничий — хозяин города, пораженный необузданному своеволлю и отголоску бесчинству имевших купцов, бросает им в лицо: «Проклятые вы!». И признается: «Турок я так не боялся, как боюсь вас, чертей!» («Горячее сердце»).

По образу и подобию дворянства и буржуазии формировалась и обскударившаяся бюрократия. Карьера, казнокрадство и взяточничество — таковы определяющие черты этой социальной прослойки, показанные Островским. Вышнеговский, крупный чиновник, так поучает своего

племянника: «Не пойман — не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично» («Доходное место»).

Гуманизм Островского сказался не только в глубоком сочувствии людям труда, но и в общем жизнеутверждающем пафосе всего его творчества. Изображая окружающую действительность, драматург мечтал о будущем, в котором не останется места социальному неравенству. Пожалуй, самое жизнеутверждающее его произведение — весенняя сказка «Снегурочка», гимн любви, свету, человечности...

Хотя драматургия Островского воссоздает главным образом бытовую повседневность, однако персонажи его пьес — это преимущественно типы широкого и глубокого обобщения, некоторые из которых приобрели нарицательный смысл: Тит Титыч с его диким самодурством («В чужом пиру похмелье»), Кабаниха с ее деспотизмом («Гроза»), Глумов с его беспринципным приспособленчеством («На всякого мудреца довольно простоты»).

Стремление Островского к созданию обобщенных образов во многих случаях привело к тому, что его персонажи несут в себе черты народности. Эту особенность образов драматурга подметил еще Добролюбов. К явно общенародным и шире — общечеловеческим чертам гуманизма в своем стремлении к добру и красоте, протесте против условий, угнетающих человеческую личность, относятся характеры Катерины («Гроза»), Ларисы («Бесприданница»), Кручинной («Без вины виноватые») и многие другие.

Островский был человеком необычайной творческой трудоспособности. Пре-

одолевая тяжелые препятствия, стоявшие на его пути (постоянная материальная необеспеченность, цензурные запреты пьес, пренебрежительное отношение дирекции императорских театров), он создал 47 оригинальных пьес, 7 пьес в содружестве с другими драматургами, перевел 22 пьесы иностранных авторов.

О роли Александра Николаевича Островского в развитии русской драматургии превосходно сказал его современник писатель Иван Андреевич Гончаров: «...Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться «Театром Островского»».

Творчество Островского действительно оказало огромное влияние на развитие русской драматургии и сцены. У великого гуманиста учились Толстой, Чехов, Горький. Он остается учителем и для современных советских драматургов.

Пьесы Островского создали русский репертуар, вошли в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Творения Островского принадлежат не только прошлому. Они и ныне не сходят со сцены советских театров и театров многих зарубежных стран. Такова сила истинного искусства, страстного гуманизма, идеями которого пронизаны все произведения писателя.

Александр РЕВЯКИН, профессор, литературный критик. (АПН).

ГОРДОСТЬ РУССКОГО ТЕАТРА

«Что я сделал для русской драматической литературы...», — эти слова А. Н. Островского, оказавшиеся пророческими, он вошел в историю культуры как великий русский писатель и драматург. В подлинный праздник многонационального советского искусства вылилось исполнившееся 12 апреля 150-летие со дня рождения А. Н. Островского. Об этом говорили участники заседания Всесоюзного юбилейного комитета по проведению знаменательной даты, которое состоялось 10 апреля в Москве.

Председатель комитета писатель С. В. Михалков отметил, что пьесы Островского сейчас ставятся более чем на сорока языках народов СССР. Почти все театры страны принимают и юбилейные постановки по его произведениям. Лучшие из них будут показаны в Норме, где через неделю открывается смотр спектаклей по пьесам Островского.

Еще одна юбилейная новость. В музее-заповеднике «Толстой» в ближайшем будущем будет открыт памятник великому драматургу, организуемая постоянная экспозиция, рассказывающая о его жизни и творчестве.

10 апреля в столице была развернута экспозиция, организованная Государственным литературным музеем и театральным Центральным музеем имени А. А. Бахрушина (Петровка, 28). Здесь представлены многочисленные материалы, характеризующие знаменитый и творческий путь А. Н. Островского. На стендах — рукописи, дневники, записные книжки, письма писателя, книги с автографами. Впервые экспонируются отрывки пьесы «Воевода», напечатанной в журнале «Современник» № 1 за 1865 год с автографом писателя. «Милому другу Прову Михайловичу Соловьеву от автора».

Нижняя выставка открыта также в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Москва. (Норр. ТАСС).

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

150 лет... А какое несчетное, какое огромное наследство. И какая щедрость, бескорыстие — беря, осваивая, владя! Рассказывая людям о добром таланте волшебника сцены, так видевшего мир, так тонко чувствовавшего все проявления жизни человеческого духа, что дышание захватывает от знакомства с его созданием.

Нам дороги подлинная трагичность, демократичность гуманизма Островского, светлая вера в непобедимые созидательные силы народа, в его лучшее будущее. Нам дороги стремление к правде, неприятие всякого зла.

Восхищению бесконечной лентой пролетают перед нами персонажи пьес Островского во всем многообразии их национально-характера, психологически глубоко раскрытые и обоснованные и уже самой природой своей разоблачающие «темное царство» с его трагическим домостроем.

Глубокая правда жизни пришла с его пьесами на сцену. Это драматургия, которую нельзя играть, в которой необходимо жить. Которую нужно глубоко чувствовать — не только понимать.

А. Н. Островский — драматург, режиссер, педагог — уже одним лишь построением линии жизни, линия действия безоговорочно требует осмысления каждой секунды существования актера — исполнителя на

сцене. Объективно наделяя своих героев всеми чертами, присущими живому образу, наводя тонкими и сложными ходами «добро в зло» и «зло в добро», он так объемно, так достоверно знакомит нас с персонажами, что они просто не допускают иного к себе подхода, нежели тщательное и бескомпромиссное их изучение. Герои Островского, вобрали все подлинное существо своего времени, они вышли из него и понесли в мир обличение несправедливости, глубокое человеческое страдание, горячий человеческий протест. При этом как «сверхзадачу» во всех коллизиях, через все сложные столкновения характеров, всем своим творчеством драматург утверждает бесконечную веру в человека, его гордое достоинство, его силу и его, в конце концов, победу над несправедливостью и насилием.

Трижды встречался я с творчеством А. Н. Островского. Ставил «Бесприданницу», «Пучину», «Грозу». Возвращаясь, радовался, отступал беспомощно перед сложностью раскрытия тех глубин, что скрыты в образах героев этих пьес, и снова, еще более настойчиво пытался проникнуть в материал, постигнуть автора. В результате поверхностные воспроизведения характеров огорчали, долго беспокоили, открытия — радовали бесконечно, укрепляли веру в себя. Вот такой это драматург. Такова его сила. Каждая встреча с ним — это обогащение, радость возникновения чувства ответственности, бескомпромиссности и трудное, счастливое погружение в неслыханный, щедрый мир. Долгое, долгое время после окончания работы, после выпуска спектакля живешь богатством ощущений от этих встреч.

Конечно, выбирая пьесу Островского для постановки, меньше всего думаешь о том, чтобы найти в ней сюжет, возможные в наши дни. Сегодняшнему зрителю интересны прежде всего те глубины человеческого характера, те гаммы чувств, тот мир сомнений, колебаний, поисков решения — ради утверждения своей воли, своего достоинства, ради ощущения себя человеком, которые приходят к нам со страниц пьес драматурга. Реализовать эти возможности — задача для театра захватывающе увлекательная. Осуществление ее наверняка исключает равнодушие зрительного зала. Если же такое случается, то винить мы, режиссера, актера, художника, должны только себя, в себе искать тому причины. И не прощать себе. И снова тянуться к нему, к сложному и щедрому его таланту.

К. ЧЕРНЯДЕВ. Режиссер театра «Красный факел», засл. деятель искусств РСФСР.

В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ

В эти дни в домах культуры, клубах, библиотеках, школах нашей области проходят торжественные вечера, посвященные 150-летию со дня рождения великого русского драматурга А. Н. Островского.

Один из таких вечеров состоялся в Доме актера. Перед зрителем выступили артисты, участвующие в спектакле «Свои люди — сочтемся» и «Доходное место».

Один из таких вечеров состоялся в Доме актера. Перед зрителем выступили артисты, участвующие в спектакле «Свои люди — сочтемся» и «Доходное место».

НРАВСТВЕННЫЙ УРОК

Сегодня мы наблюдаем исключительный интерес читателей и зрителей, режиссеров и актеров, исследователей и критиков и наследию А. Н. Островского. Объяснить этот интерес только юбилеем великого драматурга было бы неверно. Мне кажется, причина прежде всего в том, что общечеловеческие мотивы творчества Островского, на которые впервые обратил внимание А. В. Луначарский в статье «Об Александре Николаевиче Островском и по поводу его», сейчас воспринимаются нами острее, чем когда бы то ни было. Острота восприятия общечеловеческого смысла пьес Островского дает новое освещение и трагедии Катерины, и похлещенным Балзаминной, и подлости Подхализина, и всем тем историям героев великого драматурга, конечная разгадка которых — в будущем.

Спустя почти век со дня смерти Островского можно смело сказать, что он принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям. Каждая эпоха, каждое поколение пронизано свое суждение об Островском, но всегда остается возможность следующей эпохе, следующему поколению понять в нем что-то новое и более верное.

Работа над произведениями этого драматурга — утверждение самых дорогих качеств в том, что мы условно называем «живым театром», театром непосредственным, осуществляющим живую, неуловимую и неповторимую взаимосвязь между сценой и зрительным залом. Пьесы Островского —

это целый мир, мир неисчерпаемый, который будет оживать с каждым новым поколением, как бы заново расшифровываясь и обретая плоть на сценах всего мира, и прежде всего у нас, в нашей стране.

Работая над постановкой пьесы «Свои люди — сочтемся», премьера которой состоялась в ТЮЗе совсем недавно, мы были убеждены, что в истории дома Большова есть нравственный урок, который не может быть безразличным для зрительного зала. Хотелось рассказать эту историю так, чтобы мир наживы, благополучия, междоусобия и духовной нищеты раскрылся перед зрителем в чертах, и сожалею, в своем общем смысле узнаваемых и сегодня, а значит, требующих жесткого осуждения. Поэтому мы и поставили «Свои люди — сочтемся», пьесу, которую в свое время князь Одоевский назвал «Недорослем». «Горем от ума», «Ревизором» назвал четвертой русской трагедией.

Осуждение нравственного преступления стало основной темой нашей постановки.

Трудно говорить о результате, да и вряд ли это сегодня нужно, ибо прочтение Островского в контексте всей великой литературы его времени, во всей его сложности и противоречивости — задача будущего театра.

Л. БЕЛОВ.

Главный режиссер Новосибирского ТЮЗа.

На снимках: сцены из спектаклей по пьесам А. Н. Островского «Гроза» в «Красном факеле» (Катерина — В. ВАСИЛЕНКО, Тихон — засл. арт. РСФСР И. ПОЛЯКОВ) и «Доходное место» в областном театре драмы (Анна Павловна — Л. ВЕЙСЕ, Вышнеговский — засл. арт. РСФСР Н. ФОМИН).

Фото Н. Соичевой.